

ВИКТОР КОЖЕМЯКО

ТАЙНА СМЕРТИ МАРШАЛА АХРОМЕЕВА

Время идёт, и уже есть немало людей, которые не знают, кто такой был Сергей Фёдорович Ахромеев.

Обращаясь к светлой памяти этого человека. Прежде всего, потому, что, глубоко восхищаясь им, считаю необходимым напомнить некоторые нравственные уроки его жизни, особенно актуальные сегодня. А ещё не даёт покоя во многом загадочная его смерть...

Вспоминая жертвы августа 1991-го, в средствах массовой информации называют обычно троих погибших при весьма неясной обстановке на Садовом кольце и ставших, кажется, последними Героями Советского Союза. Гораздо реже пишут и говорят, что были ещё трое. Покончившие с собой.

Их не относят ни к жертвам, ни тем более к героям. Какие там герои, если сами руки наложили на себя! И потом – кто были-то они? Управляющий делами ЦК КПСС, то есть махровый “партократ”. Министр внутренних дел СССР – член пресловутого ГКЧП. Советник Горбачёва по военным вопросам, тоже ГКЧП поддерживавший...

Надо заметить, что уже тогда, когда это произошло (а самоубийства последовали одно за другим сразу после поражения “путча”), многие считали: никакие это не самоубийства, а организованные убийства. С целью устранить особо неугодных и для кого-то особо опасных свидетелей.

Ныне такая убеждённость в значительной части общественного сознания не уменьшилась. И можно не сомневаться: сколько бы времени ни прошло и какие бы дополнительные аргументы, подтверждающие реальность самоубийств, ни публиковались, мнение о том, что это были убийства, хотя бы тенью, но останется. Таковы уж туманные и в чём-то мистически загадочные, необъяснимые обстоятельства всей той августовской истории – разное можно зачастую предположить, а вот доказать многое, доказать стопроцентно и твёрдо, оказывается невозможным. По крайней мере – пока.

Не с намерением поставить окончательную точку в исследовании разных версий смерти маршала Ахромеева взялся я в 1996 году за его дело пятилетней давности. Было бы это, пожалуй, слишком самонадеянно. Однако я знал и в ходе этой работы ещё более убедился: дело “по факту смерти”, прекращённое пять лет назад, вызывает ряд очень серьёзных вопросов! Стало быть, их надо поставить публично.

Образ этого человека по многим своим достоинствам настолько ярок и уникален, а его трагедия настолько характерна для пережитого нами времени так называемой перестройки, что, я думаю, понять эту трагедию – значит лучше понять время.

Этот очерк войдёт в книгу известного публициста Виктора Стефановича Кожемяко “Политические убийства: жертвы и заказчики”, которая готовится к печати в издательстве “Родина”.

Он стал в моём представлении одной из самых горьких жертв смутного времени, отмеченного знаком коварнейшего предательства.

И одним из самых благородных героев на все времена.

* * *

Из материалов следствия:

“...24 августа 1991 года в 21 час 50 мин. в служебном кабинете № 19 “а” в корпусе 1 Московского Кремля дежурным офицером охраны Коротеевым был обнаружен труп Маршала Советского Союза Ахромеева Сергея Фёдоровича (1923 года рождения), работавшего советником Президента СССР.

Труп находился в сидячем положении под подоконником окна кабинета. Спиной труп опирался на деревянную решётку, закрывающую батарею парового отопления. На трупе была надета форменная одежда Маршала Советского Союза. Повреждений на одежде не было. На шее трупа находилась скользящая, изготовленная из синтетического шпагата, сложенного вдвое, петля, охватывающая шею по всей окружности. Верхний конец шпагата был закреплён на ручке оконной рамы клеящей лентой типа “скотч”. Каких-либо телесных повреждений на трупе, помимо связанных с повешением, не обнаружено...”.

Дальше в цитируемом документе будет ещё не одно обращение к этой теме: добровольная смерть или насильственная? То есть самоубийство или убийство? Обращения понятные. С такого вопроса всегда начинается следствие в подобных ситуациях и на него пытается в первую очередь дать ответ.

Заключение судебно-медицинской экспертизы в данном случае вроде однозначное: не обнаружено признаков, которые могли бы свидетельствовать об убийстве. Опрошены свидетели – никто из них имя убийцы не назвал.

Этого, оказывается, вполне достаточно, чтобы с абсолютной категоричностью записать:

“Лиц, виновных в наступлении смерти Ахромеева или каким-либо образом причастных к ней, не имеется”.

И вот уже зам. Генерального прокурора РСФСР Е. Лисов, тот самый Евгений Кузьмич Лисов, который вместе со своим шефом – прокурором Степанковым – играл главную роль в подготовке “процесса над ГКЧП”, спешит дело о смерти Ахромеева прекратить. “За отсутствием события преступления”...

Мы ещё вернёмся к этой теме: было событие преступления или нет, имелись причастные к смерти или таковых действительно не существовало. Пока же хочу обратить внимание читателей на одну дату: постановление о прекращении дела подписано четыре месяца спустя после начала его – 19 декабря.

При других условиях, понимаю, не было бы в том ничего особенного. Но тут... Честное слово, не могу отделаться от впечатления, что к концу года торопились обязательно “закруглиться”.

Цель, что ли, такая была поставлена? Задание дано? Прекратить, закрыть и поскорее забыть. А ведь в деле оставалось столько тёмного, противоречивого, столько фактов, буквально кричащих о том, чтобы их как-то объяснили!

Но... о “невыгодных” фактах в итоговом постановлении просто не упомянуто. Они просто опущены, дабы любому (и сразу!) не стало очевидно, что концы с концами здесь во многом не сходятся.

Явно не сходятся они и по второму пункту этого постановления – о прекращении “уголовного дела в отношении Ахромеева С. Ф. в части его участия в деятельности ГКЧП”.

Очень слышен тут вздох облегчения: нет человека – нет проблемы.

Удивительно ли, что многих, в том числе наиболее близких Сергею Фёдоровичу людей, версия следствия не убедила?

* * *

Восстановим хронику некоторых событий, непосредственно предшествовавших роковому дню – 24 августа 1991 года.

6 августа, по согласованию с президентом Горбачёвым, его советник Ахромеев отбыл в очередной отпуск в Сочи. Там, в военном санатории, он и услышал утром 19-го о событиях в Москве. И сразу принял решение: лететь.

Вечером он уже был на своём рабочем месте в Кремле. Встретился с Янаевым. Сказал, что согласен с программой, изложенной Комитетом по чрезвычайному положению в его обращении к народу. Предложил начать работу в качестве советника и. о. Президента СССР.

Конкретное дело, порученное ему, состояло в сборе информации с мест о создавшейся обстановке. Организованной им вместе с Баклановым группой было подготовлено два доклада. Кроме того, по просьбе Янаева работал над проектом его выступления на Президиуме и на сессии Верховного Совета СССР. Задача – обосновать необходимость мер, принятых ГКЧП. Участвовал и в заседаниях комитета – точнее, той их части, которая велась в присутствии приглашённых.

Излагаю всё это по тексту его письма в адрес Горбачёва (“Президенту СССР товарищу М. С. Горбачёву”), где маршал как бы докладывал потом о степени своего участия в действиях ГКЧП. Другие свидетельства, содержащиеся в деле, эти факты подтверждают.

Письмо датировано 22 августа. Провал ГКЧП уже очевиден, и Ахромеев пишет, что готов нести ответственность. Однако раскаяния в письме нет. И про самоубийство – ни слова.

Значит, если письмо подлинное и если самоубийство всё-таки произошло, решение о нём стало окончательным не 22-го, а позже?

Согласно материалам следствия, на рабочем столе в кабинете Ахромеева после его смерти обнаружены шесть записок. Так вот, по датам первые две относятся к 23 августа. Одна, прощальная, – семье. Вторая – на имя маршала Соколова и генерала армии Лобова с просьбой помочь в похоронах и не оставлять членов семьи в одиночестве в тяжкие для них дни.

Как же прошёл для него этот предпоследний день жизни, когда (если опять-таки не подвергать сомнению, что он убил себя сам) с жизнью и самыми дорогими ему людьми мысленно он уже прощался?

Было трудное заседание комитета Верховного Совета СССР по делам обороны и безопасности. И вёл себя на нём Сергей Фёдорович, как запомнилось очевидцам, необычно. Если раньше он всегда выступал и вообще был очень активен, то на этот раз всё заседание просидел в одной позе, даже не повернув головы и не проронив ни единого слова.

Есть и другие, аналогичные показания видевших его на работе. Тёмное лицо, состояние заметно подавленное. Что-то писал в кабинете, стараясь, чтобы входившие не видели, что он пишет. Можно предположить: те самые записки. Предсмертные...

Словом, налицо, кажется, признаки назревавшего и готовившегося им самим конца.

Но – немало серьёзных оснований и для сомнения!

Прежде всего (это почти у всех и с самого начала) возникает вопрос: почему маршал выбрал такой необычный для военного способ самоубийства? Повеситься, да ещё вот так – в сидячем положении, на куске шпагата, привязанного к ручке оконной рамы... Не по-военному это. Говорят, в криминальном мире, в тюрьмах к такому методу самоуничтожения прибегают нередко, но откуда знать про него Ахромееву?

Следствие акцентирует внимание на том, что свой пистолет маршал сдал, уходя с поста начальника Генерального штаба; сдавал и оружие, которое позже дарилось ему высокими иностранными гостями.

Верно, сдавал. Однако были же у него снотворные и транквилизаторы, которые, как справедливо заметила в показаниях следствию его дочь, позволяли уйти из жизни гораздо менее мучительно. Почему не прибег к ним?

Почему, готовясь к смерти, местом её определил не квартиру, которая в это время пустовала, поскольку семья находилась на даче, а (очень странно!) кремлёвский кабинет? И кому адресована странная записка, судя по всему, самая последняя: “Я плохой мастер готовить орудие самоубийства. Первая попытка (в 9.40) не удалась – порвался тросик. Очнулся в 10.00. Собираюсь с силами всё повторить вновь”? Перед кем это он отчитывался?

Обе дочери Сергея Фёдоровича, с которыми он провёл на даче последний вечер и утро последнего дня, не заметили в нём ни малейших признаков предстоящей беды. Как обычно: ранним утром очень долго, полтора часа, делал зарядку на улице. Во время завтрака обсуждал с ними, как лучше встретить жену и внучку, которых ждали в тот день из Сочи: “Когда мама уточнит

номер рейса, обязательно позвоните мне на работу”. Уезжая, обещал младшей внучке после обеда повести её на качели, то есть к обеду этого субботнего дня собирался быть дома.

Не укладывается в голове у дочерей и дальнейшее. Ведь после ожидавшегося звонка матери из Сочи Татьяна Сергеевна сразу позвонила отцу и сообщила, что едут в аэропорт встречать. Было это в 9.35 – выходит, как раз в то время, когда он готовился надеть на себя петлю. Но они же хорошо поговорили, и голос у него был бодрый, даже весёлый!

Впрочем, если этот факт, как и что-то из предыдущего, можно мотивировать исключительной силой воли и самообладанием маршала, то затем, при изучении двух толстых красных томов, предоставленных мне в военной коллегии Верховного суда России, я наталкивался на факты, которые объяснить уже никак не мог.

Хотя бы относительно того же утра 24 августа. В показаниях Платонова Николая Васильевича, водителя автобазы Генерального штаба, который работал с маршалом, а тогда привёз его в Москву с дачи, я прочитал:

“Приехали в Кремль. Ахромеев сказал: “Езжайте на базу, я вас вызову”. И не вызвал. В 10 час. 50 мин. я позвонил ему в Кремль и отпросился на обед. Он меня отпустил и сказал мне, чтобы я в 13.00 был на базе. Более я с ним не разговаривал и его не видел”.

Невольно подчеркнул я в этой выписке время: 10 час. 50 мин. Но ведь в 10 час. 00 мин. Ахромеев, согласно его записке, очнулся после неудачного покушения на свою жизнь и собирался “всё повторить вновь”! Скажите, до того ли тут, чтобы поднимать трубку в ответ на телефонный звонок и разговаривать с шофёром? Да и зачем?

Время смерти маршала судебно-медицинская экспертиза определила весьма расплывчато и приблизительно: “Смерть наступила не более чем за сутки до начала вскрытия трупа”. Оговорены “значительные трудности при определении давности наступления смерти в том случае, если исследование трупа проводится более чем через 10–12 часов после наступления смерти и если перед этим не были проведены на месте специальные судебно-медицинские исследования”. Но почему же они не были проведены?

А между тем вот ещё одно показание – Вадима Валентиновича Загладина, тоже советника Президента СССР. Его кабинет под номером “19в” находился в общем коридоре с кабинетом Ахромеева “19а”. Про день 24 августа Загладин свидетельствует следующее:

“Был на работе с 10 до 15 часов. Может, чуть дольше. Ахромеева не видел. Его кабинет был открыт, я это определил по тому, что в кабинет входили и выходили, но кто – я не знаю, я считал, что это входит и выходит Ахромеев, так как секретари в субботу не работали... Когда я уходил, то в двери Ахромеева ключ не торчал. Я выключил свет в коридоре между нашими кабинетами (там маленький коридор) и ушёл. В кабинете Ахромеева было тихо. Я ушёл из кабинета в 15–15.20 примерно. Я точно помню, что ключа в двери Ахромеева не было, иначе бы я не выключил свет в коридоре”.

Ключ... Про этот ключ следователь переспрашивает: “Уточните, пожалуйста!” И Загладин, повторив то же самое, поясняет: “Обычно, когда С. Ф. Ахромеев был в кабинете, то ключ торчал в двери с наружной стороны”.

Итак, в 15 или 15.20 ключа в двери не было, а в 21.50, когда дежурный офицер проходил мимо кабинета, его внимание привлёк именно ключ!

Когда же он появился в двери?

И кто входил и выходил из кабинета после 10 часов утра?

Сам Ахромеев?

Но, повторю, он же в 10.00 как бы очнулся и снова предпринимал попытку самоубийства...

Гречаная Алла Владимировна, референт Ахромеева, свидетельствует: “От кого-то из охраны, его зовут Саша, я слышала, что он видел Сергея Фёдоровича около 2 часов дня в субботу”. Обратите внимание: около двух!

Только этих трёх загадочных фактов – со звонком шофёра, с ключом и охранником Сашей, – по-моему, вполне достаточно, чтобы следствие было продолжено и попыталось ответить на возникающие в связи с ними вопросы. Нет, даже следов такой попытки я в деле не обнаружил! А Сашу, судя по всему, даже и не допросили. Дело, как уже выше сказано, поспешили закрыть...

Скажу ещё об одном обстоятельстве, которое привлекло моё внимание, причём каким-то зловецким отблеском. В показаниях офицера охраны Кремля

Коротеева Владимира Николаевича, который, осматривая вечером кабинеты, обнаружил С. Ф. Ахромеева “без признаков жизни”, далее читаю: “Об обнаружении я доложил коменданту Резиденции Президента Барсукову М. И.”

Барсуков? Михаил Иванович?!

Да, тот самый. Один из двух человек, наиболее приближённых к Ельцину в течение нескольких последних лет, упоминавшийся все эти годы в неразрывной и многозначительной связке “Коржаков – Барсуков”. Выходец из КГБ, возглавивший в конце концов новую, ельцинскую, спецслужбу...

Случайно ли именно он появился на месте смерти Ахромеева той таинственной ночью? И когда появился?

Согласно его показаниям, Коротеев доложил ему около 24 часов. Однако сам Коротеев называет другое время – 21 час 50 мин. Причём прямо говорит, что труп обнаружил он (помните, “без признаков жизни”?). Но в показаниях Барсукова происходит иначе!

“... Коротеев В. Н. доложил мне, что в 19 “а” – кабинете советника Президента СССР Ахромеева С. Ф. – ключ в замочной скважине, а света в кабинете нет и что он просит меня прибыть... Я поднялся на 2-й этаж в 19 “а”, заглянул в кабинет. У окна в неестественной позе я увидел советника на полу...”

То есть, выходит, Коротеев в кабинет даже не заглядывал, а труп обнаружил Барсуков? Странная разногласия, ставящая под сомнение всё остальное в этих двух показаниях.

Сам собой возникает и такой вопрос: кто же он был тогда, Михаил Иванович Барсуков? Официально, по должности – комендант комендатуры корпуса № 1 Кремля. Коротеев называет его комендантом Резиденции Президента. Разумеется, Президента СССР. Но не работал ли он уже и на казавшегося горбачёвским антиподом Президента России?

В самом деле, один из будущей одиозной пары ельцинских приближённых уже неотлучно следует в те августовские дни за своим “хозяином” по коридорам и подвалам “Белого дома” и даже запечатлён рядом с ним на “историческом” танке. Другой в это время – в кремлёвских коридорах, куда Ельцину победителем скоро предстоит войти. Кто-то ведь, наверное, должен был готовить место.

Много тайн, очень много, скрывают коридоры власти...

* * *

Итак, что же всё-таки произошло 24 августа 1991 года в Кремле – самоубийство или убийство?

Если убийство, то чем оно было вызвано и как совершено?

Если самоубийство, то почему пошёл на него Ахромеев – человек редко-стно мужественный, волевой и жизнелюбивый?

Выше я уже назвал немало доводов, возникающих при внимательном изучении материалов следствия и вызывающих очень серьёзные сомнения, что смерть маршала была добровольной. Беседы с близкими ему людьми такие сомнения укрепляют.

Никогда не верила и до сих пор категорически не верит в самоубийство жена его Тамара Васильевна. Не верят дочери Наталья и Татьяна. Не верят генералы армии Валентин Варенников и Михаил Моисеев, учившиеся и работавшие рядом с ним долгие годы, хорошо его знавшие. Да многие, с кем я говорил, не верят.

Один из главных аргументов против самоубийства – характер этого человека.

“Я откровенно скажу, что такой человек, как Сергей Фёдорович Ахромеев, не мог, просто не способен покончить жизнь самоубийством”.

Это говорит, давая свидетельские показания, Малинецкий Георгий Геннадиевич – зять, муж дочери Татьяна. Чувствуете, насколько твёрдо говорит? Он-то имел возможность соприкоснуться с характером своего тестя больше в бытовой, семейной обстановке, но и для него несомненно огромная сила воли и стойкость маршала, непоколебимый его природный оптимизм. Словом, крепчайший внутренний стержень, будто специально созданный и закалённый для трудной воинской службы.

Послушаем жену. Она знала Сергея Фёдоровича с детства – учились в одной школе. Знает его характер и жизнь, наверное, лучше всех:

– Он рано остался без отца, с матерью. В школе увлекался историей и литературой, даже собирался поступать в ИФЛИ – знаменитый в своё время Институт философии, литературы и истории. Но получилось так, что мама его вынуждена была уехать к дочке, вышедшей замуж, он остался один. Приходилось подрабатывать. Жил в кабинете директора школы. А в 1939 году по комсомольской путёвке пошёл в военно-морское училище.

– Это было призвание или долг?

– И то, и другое. Сами знаете, какое было время: всё дышало предчувствием войны. Она через два года и началась...

– Сергей Фёдорович сразу попал на фронт?

– Фактически сразу. Он был в училище имени Фрунзе в Ленинграде. Ну вот, июль – отражение морских и воздушных десантов в Прибалтике, затем – блокада, тяжёлое ранение. Выжил чудом. Буквально с того света его вытаскивали. Между прочим, врач в госпитале сказал ему тогда: хочешь жить – бросай курить. Больше он за всю жизнь не выкурил ни одной папиросы. Это к вопросу о характере.

– И он всегда был таким?

– Сколько его помню. За 51 год службы не имел ни одного выходного дня, ни одного полностью использованного отпуска. Подъём каждое утро – в 5.20, полтора часа – зарядка во дворе в любую погоду. В 7.30 уезжал на работу, а возвращался в 23.00. В общем, сила воли действительно необычайная.

– Вам доводилось видеть его в разных состояниях, связанных со службой?

– Мы много кочевали. После войны и Академии бронетанковых войск – Дальний Восток, потом Белоруссия, Украина, опять Белоруссия и опять Дальний Восток... Знаете, у него как у командира, отвечавшего за очень большие коллективы людей в войсках, бывали тяжелейшие ситуации, всякого рода ЧП. Естественно, переживал, иногда очень остро переживал, он ведь не железный. Но в растерянности, а тем более – в панике я не видела его ни разу. Вот и поэтому не верю, что мог руки на себя наложить...

* * *

Да, судьба испытывала его на излом не раз, но он стойко держался.

Мало кто знает, что Ахромеев, в то время первый заместитель начальника Генерального штаба, один из немногих в военном руководстве решительно возражал против ввода наших войск в Афганистан. Мало кому известно, какую роль сыграла наша армия в ликвидации последствий чернобыльской катастрофы, и Ахромеев, тогда начальник Генштаба, стал одним из ведущих организаторов этих беспрецедентных по масштабу и сложности работ.

Получается, что же? Выдержал и Великую Отечественную, и Афганистан, и Чернобыль, а тут, когда ни войны, ни аварии ядерного реактора, вдруг проявляет непонятную слабость.

В самом деле, трудно это понять и принять.

Николай Николаевич Энгвер, народный депутат СССР, много общавшийся с депутатом Ахромеевым по делам воинов-«афганцев» и не раз говоривший с ним об «афганском синдроме», знает, что маршал считал самоубийство для военного именно слабостью. Допускал его лишь в одном случае: когда являешься носителем информации высшей секретности и не можешь предотвратить захват врагом. Ибо пытки, а особенно – современные психотропные средства позволяют многое «вытянуть» из человека, даже против воли его...

Ещё тогда, вскоре после рокового августа-91, возникла версия, что Ахромеева принудили к самоубийству, угрожая репрессиями против семьи. На такую мысль наводят, в частности, и строки из адресованного семье прощального письма:

«Всегда для меня был главным долг воина и гражданина. Вы были на втором месте...»

Сегодня я впервые ставлю на первое место долг перед вами...»

Если представить, что окончательную и теперь вполне конкретную угрозу расправы с семьёй он услышал, уже приехав на работу в последнее утро, то получают объяснение и спокойный его уход из дома, и намерение быть к обеду, когда прилетят из Сочи жена с внучкой, и записка, в которой он

с кем-то объясняется по поводу неудачной первой попытки убить себя. Кстати, те, с кем он объясняется, могли предложить ему и этот используемый в криминальном мире способ самоубийства.

Кому и зачем понадобилось убрать маршала?

Есть разные варианты ответа на этот вопрос. Но все сводятся по существу к тому, что он слишком много знал и для многих стал слишком неудобен.

Известно, например: в тот критический момент готовился выступить на сессии Верховного Совета СССР, которая была назначена на 26 августа. Честное и прямое его слово представляло серьёзную опасность для тех, кто приступил в это время к решающему акту осуществления своих коварных планов.

Впрочем, кристальная честность, несгибаемая принципиальность этого человека давно уже стали опасностью и для него самого. В свидетельских показаниях Г. Малинецкого читаю:

“Неоднократно говорил, что его политическая борьба как депутата и общественного деятеля может угрожать благополучию его семьи, его свободе, а возможно, и жизни. После опубликования статьи в “Советской России” “Кому мешают генералы”, по его словам, звонили на работу и угрожали расправой”.

Да что там телефонные звонки и анонимные письма! Грозили весьма недвусмысленно даже с газетных страниц. У меня всё дрогнуло внутри, когда в одном из набросков ахромеевского выступления в Верховном Совете, где он намеревался сказать, в частности, о кампании травли и клеветы, организованной против него “демократической” прессой, я прочитал: называют военным преступником, пишут, что Ахромеева должна постигнуть “судьба Шпеера и Гесса”.

Оба, как известно, были осуждены Нюрнбергским трибуналом, а Гесс, приговоренный к пожизненному заключению, в конце концов умер в петле.

Что-то уж предсчур прозорлив оказался “демократический” автор в зловещем своём предсказании, каким образом маршал должен уйти из жизни...

* * *

Я написал: кампания травли и клеветы. Но ведь многие, наверное, уже забыли, а молодые и не знают, что это была за кампания и почему объектом её, одним из центральных объектов стал Ахромеев.

Напомню. Шло наступление на нашу Родину. В этот раз оно началось не одновременно и не прорывом внешних границ, как в июне 41-го. Главное направление его было организовано изнутри страны.

Оно не было военным и вообще никаким наступлением не называлось: ему дали вполне мирное название “перестройка”.

Да никто ведь и не говорил (разве можно!), что цель начатого – уничтожение Отчизны. Лозунги звучали хорошие: “Ускорение и эффективность!”, “Больше демократии – больше социализма!” А вот на деле...

На деле постепенно стало проявляться, что социализма не должно быть совсем. Более того, не должно быть Советского Союза!

Путь к этому, вспомните, прокладывался массированными атаками на главные духовные и государственные наши опоры и скрепы. На историю нашу. На партию. На армию.

Многие ли сразу поняли смысл и конечную цель этих оглушительных психических атак? Многие ли встали против них? Оглядываясь назад, скажем прямо: нет, не многие.

Маршал Советского Союза Ахромеев встал одним из первых. Решительно и смело, как поднимались солдаты в бой под вражеским огнём и как сам он на фронте не раз поднимался.

Жена сказала так:

– Слова “раньше думай о Родине, а потом о себе” он понимал буквально и всю жизнь следовал им. Они не были для него высокопарной фразой.

И вот он почувствовал, что над Родиной совершенно неожиданно опять нависла угроза. Нет, пожалуй, не сразу и он, как и все мы, осознал глобальные масштабы этой угрозы. Восприняв всей своей открытой, широкой душой провозглашённые цели перестройки, благородные и красивые, поначалу считал коробившие его публикации в некоторых изданиях просто плодом безответственности отдельных журналистов в погоне за сенсацией. Так сказать, издержки гласности.

Однако и эти “отдельные издержки”, особенно связанные с фальсификацией истории Великой Отечественной войны, молча терпеть не мог. Помню, как стал привозить и присылать статьи к нам в “Правду”. Меня ещё удивляло: военачальник такого ранга находит время и силы, чтобы спорить с какими-то мелкотравчатыми писаниями! Но однажды услышал ответ маршала моему коллеге по редакции примерно на тот же вопрос:

— *Молчать нельзя, когда лгут. Надо давать сдачу. Иначе совсем облаглют.*

Они наглели, несмотря на голос Ахромеева и других, кто пытался говорить правду, но чьи голоса вскоре уже многократно перекрывались шумным гвалтом “демократической” прессы.

И тогда он поймёт, тогда напишет: *“Они осуществляют вполне определённую политическую линию. Всё наше прошлое перекраивается. А ведь без достойного прошлого у страны не может быть и нормального настоящего, не может быть будущего. Дорого обойдётся Отечеству разрушительная работа новоявленных демократов”.*

Как часто вспоминаю я сегодня эти его пророческие слова! Впрочем, теперь многим очевидно, насколько правы были предупреждавшие, что мы можем лишиться нормального настоящего и будущего.

А в то время этих предупреждавших постарались опорочить в глазах людей, дабы люди их просто не слушали. Если недостаточно было ярлыков типа “консерватор” и “противник перестройки”, если после этого человек не отступал и не прекращал борьбу, а его борьба приобретала всё более впечатляющий характер, против него организовывалась целенаправленная “персональная” кампания. И тут уж, что называется, все средства хороши — не останавливались ни перед чем.

Читаю в дневнике Ахромеева:

“По отношению ко мне, например, сегодня органы печати, начиная с газеты “Известия” до “Литературной газеты”, развернули настоящее преследование, изо дня в день пишется заведомая неправда. Совершенно бесполезно говорить о какой-то справедливости. Шабаш преследования можно сравнить с кампаниями, которые были организованы против Лигачёва Е. К. Цель одна — заставить меня замолчать. Не удастся — скомпрометировать”.

Поразительно, до какой оголтелости доходили в обвинениях его! Больно читать наброски выступлений и статей, в которых он вынужден доказывать нелепость многочисленных обвинений.

“Военный преступник” — это, конечно, за Афганистан, где около двух лет он был начальником штаба оперативной группы Министерства обороны. Выполняя решение высшего руководства страны.

А вот из письма Ахромеева главному редактору “Известий”, которое, как и многие другие подобные его обращения, осталось не только не опубликованным, но и безответным:

“Газета “Известия” говорит неправду:

— что скрывал данные о состоянии Вооружённых Сил в своей стране и раскрывал их в США;

— изображает меня сегодня воришкой, залезающим в карман государству...”.

Боже мой, вот это, последнее, осталось у меня в памяти как верх позора для тех, кто в тоге “борцов с привилегиями” травил честнейшего человека! Это ведь было не только в “Известиях”. Может, и вы вспомните горящие глаза и холодный прокурорский голос белокурой девицы, вскакивающей на телеэкране из депутатских рядов и обличающей, обличающей, обличающей...

А о чём, собственно, шла речь? Маршалу предложили на госдаче, где он жил с семьёй из восьми человек, по государственной цене выкупить мебель, которую он до этого арендовал. Старую мебель.

Сопоставьте это с тем, как вскоре “борцы с привилегиями” разворуют и распродадут всю страну.

Видя сегодня на телеэкране модно одетую белокурую мадам, что-то лепечущую о социальной защите сырых и бедных, я всегда думаю: неужели не является тебе по ночам тень маршала Ахромеева? Того, который за величайшую скромность и аскетическую неприветливость друзьями был назван спартанцем. Который, перейдя на должность советника президента, отказался от повышенного в полтора раза оклада. Который, даже прощаясь с жизнью,

не забыл, что он должен в столовую несколько рублей, и в одной из последних записок попросил вернуть долг, приложив деньги.

Вы, нравственные пигмеи, злобно и жестоко травившие такого человека, разве вы способны — ну, не подняться до его высоты, нет, а хотя бы эту высоту понять?

* * *

Наконец, ещё об одной, важнейшей стороне пережитой им драмы, которая обернулась трагедией.

Давайте повнимательнее подумаем: с кем боролся он в эти последние годы своей жизни?

“Мне понятно, — пишет в дневнике, — что соответствующая пресса своё дело будет делать и дальше. Всегда найдутся бойкие перья, которые за хорошие деньги напишут любую гнусность, тем более что отвечать за это никто не будет. И есть политические силы, которые им эту гнусность закажут”.

Так в каких же политических силах видит он своих противников?

Называет печатные издания: “Огонёк”, “Московские новости”, “Аргументы и факты”...

Использует вошедшие в обиход определения: “демократы”, “межрегионалы”...

Резко критикуя перевёртышей типа Волкогонова, отмечает: *“Теперь генерал-полковник Волкогонов — антикоммунист. Сегодня он изменил делу КПСС и встал под знамёна одного из бывших руководителей КПСС, а теперь воинствующего антикоммуниста Б. Н. Ельцина”.*

Значит, противники — антикоммунисты...

Но с кем он, коммунист Ахромеев, вступивший в партию на фронте, не менявший и не предававший своих убеждений, оказался в этот сложный исторический момент?

Он был, как принято говорить, в команде Горбачёва. Был, волею судеб, в ближайшем окружении его. Но кто был Горбачёв?

Вскоре после смерти Ахромеева в издательстве “Международные отношения” вышла последняя его книга, написанная в соавторстве с бывшим заместителем министра иностранных дел Г. Корниенко, “Глазами маршала и дипломата”. Критический взгляд на внешнюю политику до и после 1985 года. Очень маленьким тиражом вышла, да и то удивляюсь, как это выпустили её тогда! Читая дневник Сергея Фёдоровича, я видел, с какой настойчивостью, несмотря на нездоровье и занятость многими другими делами, работал он все последние месяцы над книгой, давая себе задания буквально на каждый день. Слово боялся, что не успеет высказаться. Так вот, книга эта, в чем-то исповедальная, вместе с дневником помогает конкретнее представить очень непростые его отношения с тем, в чью “команду” он входил, и глубже понять драматизм положения, в которое был поставлен.

Тема горькая и большая. Возьму для примера один факт.

Известно, что Ахромеев, будучи начальником Генштаба, а затем советником президента страны по военным вопросам, принимал активное участие в подготовке важнейших советско-американских переговоров, связанных с сокращением вооружений. В 1987 году на повестке дня был договор по ракетам средней и меньшей дальности.

“Упорная борьба”, “напряжённое противоборство”, “настоящая дуэль” — такие выражения в книге Ахромеева нередки. Понятно, вести дело так, чтобы согласие достиглось и решения, в конце концов, принимались, но без ущерба для наших государственных интересов, было нелегко. Американцы-то о своей выгоде ни на минуту не забывали!

В этот раз наиболее серьёзное “перетягивание каната” возникло по поводу советской ракеты “Ока”, именовавшейся на Западе СС-23. Почему? Ракета новая, последнее достижение нашей военно-технической мысли. Американцы заинтересованы, чтобы у нас её не было.

Но под условия договора она не подпадает. Ликвидации подлежат ракеты средней дальности — от 1000 до 5500 километров и меньшей — от 500 до 1000. Максимальная испытанная дальность “Оки” — 400 километров. И тем не менее... она попала под уничтожение! Каким же образом это могло произойти?

Ахромеев, конечно, твёрдо стоял на своём, парируя все хитрые уловки американской стороны. Как всегда. Недаром имевшие с ним дело американские военные так уважали его за патриотизм и высочайший профессионализм. Вот и теперь, в конечном счёте, им было предложено: что ж, давайте по-честному – запретим все ракеты в диапазоне не с 500, а с 400 до 1000 км. Тогда была бы поставлена преграда для создания модернизированной американской ракеты “Лэнс-2” с дальностью 450–470 км. Паритет был бы сохранён.

Однако, приехав в Москву, госсекретарь США Шульц ставит вопрос перед Шеварднадзе о подведении СС-23 под понятие “ракеты меньшей дальности”. И получает ответ: для нас это не будет проблемой.

На встречу экспертов, состоявшуюся в тот же вечер в МИД, представителей Генштаба даже не приглашают. А во время состоявшейся на следующий день беседы Горбачёва с Шульцем о включении СС-23 в понятие “ракеты меньшей дальности” говорилось уже... как о решённом вопросе. Без всяких оговорок, что нижний предел дальности должен уменьшиться и для американцев!

Ахромеев в книге пишет:

“На состоявшейся 23 апреля беседе М. С. Горбачёва с Дж. Шульцем моё участие не планировалось, и первая половина её (в ходе которой была закреплена упомянутая договорённость о ракете “Ока”) прошла без моего участия. Однако в середине их беседы я совсем неожиданно был вызван Генеральным секретарём для выяснения некоторых обстоятельств переговоров в Рейкьявике в составе рабочей группы Нитцке–Ахромеев. Я дал необходимые разъяснения и был оставлен на беседе, где пошёл разговор о конкретных вопросах будущего договора по сокращению СНВ. О решении же в ходе первого этапа этой беседы вопроса о ракете “Ока” я узнал только на следующий день из газет, прочитав сообщение о встрече М. С. Горбачёва с Дж. Шульцем, да ещё с указанием, что на беседе присутствовал начальник Генерального штаба”.

Вот оно как! На вторую часть беседы его и пригласили-то, видимо, для того, чтобы дать именно такое сообщение в газетах. А по существу – обманули. И его, и всех.

“Военное руководство было возмущено случившимся”, – замечает Ахромеев. Он пишет предельно сдержанно, хотя чувствуется, что и спустя время в душе его всё клокочет. О непосредственной же реакции мне рассказывал Валентин Иванович Варенников, который был тогда первым заместителем Ахромеева в Генштабе:

– Приехал я из Афганистана, где находился в длительной командировке, и сразу к нему. А он, как будто предвидя мой первый вопрос, буквально бросился мне навстречу: “Не думай, что это сделал я!” Видно было, сильно мучается.

Поводы для мучений возникали всё чаще. Однако и в конкретных ситуациях, подобных вот этой, и при оценке ухудшавшегося положения страны в целом он ещё долго не сможет прямо сказать: виноват Горбачёв.

Ему уже ясно, разумеется, что дело не только в “межрегионалах”, в так называемой демократической оппозиции. Он видит своих противников уже в руководстве страны. Называет уже поименно: Яковлев, Шеварднадзе, Медведев... А для Горбачёва всё-таки находит оправдания, – наверное, его “подставляют”.

Драма честного человека, живущего по совести и не представляющего, что совесть может быть эластичной, что можно думать одно, говорить другое, а делать третье. Драма доверия и верности!

Между тем, как я уже тогда почувствовал, а теперь совершенно отчётливо понимаю, для Горбачёва и действительно близких ему людей Ахромеев не был “своим”. И становился всё более неприемлемым.

Запомнился случай, происшедший где-то в конце 1989-го или в начале 1990-го. Главным редактором в “Правду”, сменив “консерватора” Афанасьева, был уже прислан “прогрессивный” Фролов – полномочный и доверенный ставленник Горбачёва. Однажды даёт мне статью. С недовольным, каким-то брезгливо-кислым видом:

- Ахромеев написал. Поглядите.
- Готовить к печати?
- Я же сказал: поглядите!

Кричать на подчинённых Иван Тимофеевич умел – по поводу и без повода, а в данном случае причина раздражённости его стала мне абсолютно ясна, когда прочитал статью. Это был сгусток боли, резкий протест против того, что вело всё к большему и большему развалу страны.

Конечно же, статья не была напечатана, хотя я довёл её до газетного объёма и сдал Фролову.

– Позвоните автору, пусть подождёт, – был его ответ.

Пришлось что-то невнятное бормотать в телефонную трубку. Увы, это не раз бывало в связи с острыми статьями и других неудобных авторов, которые, без всяких объяснений, “заворачивались” главным редактором. Простите меня, Сергей Фёдорович!..

По-моему, он всё понял. Даже “Правда”, которую считал самой своей газетой, переставала быть таковой. Что оставалось? “Советская Россия” и “Красная звезда”? Пожалуй, вот и все печатные трибуны, где он мог выступить.

А ведь так много нужно было сказать! Словно чуткий сейсмограф, воспринимает он всем существом своим нарастающую трагедию Родины. В дневниковых его заметках бьётся напряжённая мысль, и оценки происходящего – всё резче, всё определённое.

“1. Люди потеряли перспективу – веру в Президента и КПСС. 2. Сломать всё сломали – ничего не сделали. Бедлам, никакого порядка нет. 3. 1985–1991 годы. Когда было лучше? В чём Вы нас хотите убедить!!! 4. Нет сырья, нет комплектующих. Производство расстроено. 5. Всё продано в Румынию”.

Эта запись сделана, очевидно, после поездки в Молдавию, откуда он был избран народным депутатом СССР. Начался уже 1991 год. И он не может больше уходить от прямого ответа на вопрос о вине Горбачёва.

Задолго до августа, где-то весной, работая над выступлением в Верховном Совете, записывает:

“О М. С. ГОРБАЧЁВЕ. После 6 лет пребывания М. С. Горбачёва главой государства коренным вопросом стало:

– КАК ПОЛУЧИЛОСЬ, ЧТО СТРАНА ОКАЗАЛАСЬ НА КРАЮ ГИБЕЛИ. Какие причины создавшейся ситуации объективные, они должны были проявиться независимо от того, кто возглавил бы страну в 1985 году, а чему виной является политика и практическая деятельность Горбачёва?

В 1985–1986 годах М. С. Горбачёв, да и другие члены Политбюро вели себя как легкомысленные школьники.

И это делали серьёзные люди?

Кто и почему организовал антиармейскую кампанию в стране?

Как нам сегодня относиться к нашему прошлому?

Словом, делалось всё, чтобы кризис доверия в стране наступил.

Кому и зачем он был нужен?

С чьей стороны имело место это легкомыслие или злой умысел?”

Ответ чёткий:

“Путь Горбачёва – не состоялся. Страна ввергнута в хаос”.

Я вижу, что Ахромеев как человек исключительной честности в злой умысел до последнего поверить не может. Однако недопустимость дальнейшего пребывания Горбачёва у руководства страны для него уже несомненна:

“О ЧЁМ НАПИСАТЬ М. С. Остался один шаг до отставки. Винават в первую очередь сам М. С. – его приспособленчество и компромиссность... Отставка неизбежна. М. С. Горбачёв дорог, но Отечество дороже”.

* * *

Написал ли он это Горбачёву? Наверняка. Или написал, или высказал. Упомянувшийся уже Энгвер, со слов самого Сергея Фёдоровича, так передаёт его кредо президентского советника: говорить не то, что хочет услышать Горбачёв, а то, что есть в действительности.

Но почему не выступил с требованием отставки Горбачёва публично?

Георгий Маркович Корниенко, работавший в то время вместе с Ахромеевым над книгой, вспоминает, что публично выступать лично против президента Сергей Фёдорович считал неэтичным, поскольку был “при должности”: советник же его!

Трижды писал заявления о собственной отставке. Ссылался на ухудшение здоровья, на последствия ранения и контузии, что было правдой. Но ещё большая правда была в том, что должность советника при главном руководителе государства, на которой он надеялся сделать для государства немало полезного, теперь, в критической ситуации, не позволяла ему сделать, может быть, самое необходимое – во всеуслышание выступить против этого руководителя.

А Горбачёв не давал ему отставки, думаю, именно потому, что знал: тогда-то уже он будет выступать без всяких “самоограничений”. Кстати, следующую свою книгу Ахромеев собирался написать о Горбачёве. Представляю, какая это была бы книга!..

Но 19 августа ринется в Москву не против Горбачёва лично выступать. За Отечество!

Ему, остававшемуся официально Президентом СССР, через три дня пишет:

“Дело в том, что, начиная с 1990 года, я был убеждён, как убеждён и сегодня, что наша страна идёт к гибели. Вскоре она окажется расчленённой. Я искал способ громко заявить об этом”.

И тут же, опять-таки как советник президента (не освобождённый от этой проклятой должности!), пишет о своей ответственности за участие в работе ГКЧП...

Мне давно хотелось услышать из уст Горбачёва, а что он чувствовал, когда узнал о трагической смерти Ахромеева, что чувствует и думает в связи с этим теперь?

Поймать в Москве бывшего президента страны, а ныне – личного фонда очень нелегко. “10 сентября Михаил Сергеевич улетает в Германию. Вернётся только 25-го. Но 30-го опять улетит. В Америку. Это до 12 октября. А 19-го снова в Америку”...

И всё-таки, после четырёхмесячных настойчивых моих звонков, разговор состоялся. Что же услышал я?

Горбачёв, по его словам, тяжело пережил смерть Ахромеева. Относился к нему с большим уважением и доверием. Он повторил это два раза: “Я верил ему”. Назвал человеком морали и совести: “Покраснеет, но прямо скажет всё, что думает”. А прилёт его в Москву тогда, в августе, воспринял “как удар”.

– Это была тяжёлая ситуация для президента и Генсека. С одной стороны, близкие люди выступили против. С другой – набирала силу российская власть, российское руководство, они считали, что они на коне. Я должен был пойти на российский Верховный Совет...

Разговор всё дальше уходил от Ахромеева – Горбачёв говорил о себе, – и пришлось прервать его вопросом, который особо меня волновал:

– Скажите, а нет ли у вас хоть какого-то чувства вины перед маршалом? Ведь смерть его стала, так или иначе, следствием трагического положения, в которое была ввергнута страна. Написал же вам: “Вскоре она окажется расчленённой”.

– У меня чувства вины не было и нет.

Гулом отдалось во мне это: “Не было и нет”, “не было и нет”!..

Он говорил, что собирался пригласить Ахромеева для беседы, но “был заверчен” – как раз встречался в Верховном Совете российском, тогда же делал заявление о снятии с себя полномочий Генсека. А я подумал: кажется, в день его смерти Горбачёв и делал это потрясшее меня заявление – отрёкся от партии, объявив по существу о роспуске её! Успел ли услышать Сергей Фёдорович? Каким же ударом для него это было...

Вряд ли нужно ещё комментировать разговор с Горбачёвым. Может, только одно слово, которое остро резануло меня:

– Ахромеев был переживальщик большой.

Слово это, походя и небрежно брошенное, по-моему, выразительно характеризует и того, о ком сказано, и того, кто сказал.

Когда свой вопрос: “Самоубийство или убийство?” – с которым я обращался ко многим, задал генералу армии М. Гарееву, Махмут Ахметович ответил так:

– В любом случае это было убийство. Его убили подлостью и предательством, тем, что сделали со страной.

– Но ведь с этим не один он столкнулся! Если допускаете, что сам мог руки на себя наложить, почему именно он?

— Он наиболее совестливый из нас.

Что ж, такое поймёт только совестливый. А для тех, в чьём представлении совесть — понятие абстрактное, он останется странным “переживальщиком”.

* * *

“Не могу жить, когда гибнет моё Отечество и уничтожается всё, что считал смыслом моей жизни. Возраст и прошедшая моя жизнь дают мне право из жизни уйти. Я боролся до конца”.

Принимал ли он смерть добровольно или насильно, в этих последних словах — главное: Отечество гибнет! Он отдал за него всё, что мог. В конце концов, окружённый врагами и преданный, отдал жизнь.

Во время Великой Отечественной, храбрым бойцом которой он был, про героев так и писали: “Отдал жизнь за Родину”.

Вскоре после его смерти, как он предвидел, Родина окажется расчленённой. Выходит, напрасными были его борьба и смерть? Думаю, нет.

Когда-то мы говорили о погибших наших героях, как о горьковском Соколе: “Пускай ты умер!.. Но в песне смелых и сильных духом всегда ты будешь живым примером”...

Сейчас редко звучат эти слова. “Поле боя после битвы принадлежит мародёрам” — название одной из современных пьес довольно точно обозначает, кто сегодня хозяева жизни. В этом смысле надругательство над могилой Ахромеева (неслыханное, чудовищное надругательство!) стало зловеще символическим — озаменовало, так сказать, вступление в новую эру.

Только не будет же так всегда. Битву за Родину мы продолжим, дети встанут потом в этой битве на место отцов.

И они должны знать: в наше время были не одни лишь “герои” Фороса и Беловежья. Был маршал Ахромеев. Он был и навсегда останется Маршалом Великой Державы — Союза Советских Социалистических Республик, — не предавшим свои идеалы.

Невозможно представить его вписавшимся в “новый режим”. Не представляю, например, сидящим на каком-нибудь нынешнем официальном мероприятии — в советском маршальском мундире, но с нашивками из триколора и двуглавого орла.

На его могильном камне — три слова, выражающие самую суть этого человека: **Коммунист, Патриот, Солдат**. И недаром на могилу приходят борцы из оппозиции самых разных, порой несовместимых направлений — он как бы объединяет их всех. Так же, думаю, своим высоким авторитетом мог объединить в жизни, если бы остался жив. Может, именно поэтому не оставили его в живых?

Дмитрий Тимофеевич Язов, тоже Маршал Советского Союза, оказавшись в камере Матросской Тишины и узнав там о гибели своего боевого друга, написал в тюремной тетради: *“Появится когда-нибудь талантливый автор и создаст об этом удивительном человеке, настоящем человеке чести, достойную книгу, которая дополнит и украсит серию “Жизнь замечательных людей”.*

Замечу: сам Дмитрий Тимофеевич жизнью своей тоже заслужил право на хорошую книгу.

Да, сегодня честь не в чести. Но в нынешнем политическом и нравственном беспределе, когда правят бал корысть и чистоган, шкурнические интриги и бандитские разборки, светлый пример людей, для которых Родина воистину дороже собственной жизни, особенно необходим.

Давайте помнить, что у нас были такие люди. Давайте верить, что они обязательно будут. Ими спасётся Россия.